

УДК 008+821.161.1

Т.Г. Шеметова

КОНЦЕПТ «ПУШКИН» КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЗНАНИЯ

T.G. Shemetova

CONCEPT «PUSHKIN» AS REFLECTION OF NATIONAL CULTURE AND CONSCIOUSNESS

The article exposes the approach to concept studies with regards to literary criticism. The author outlines the possibility of looking into the concept «Pushkin» as a reflection of national culture and consciousness in contemporary Russian literature.

Там под духовностью лудовой
затих навеки вертлявый Пушкин,
поник он головой садовой –
ни моря, ни степей, ни кружки.
Он ужимается в эпиграф,
забит, замызган, зафарцован,
не помесь обезьяны с тигром,
а смесь Самойлова с Рубцовым.
(Тимур Кибиров, «Серёже Гандлевскому
о нынешней социокультурной ситуации»)

Литература – феномен культуры. Именно в литературе находит свое отражение культура, и через нее она передается от поколения к поколению. Попытки единицы межкультурной коммуникации за последние десятилетия

привели к утверждению теории концепта. Понятие концепта, несмотря на широкое распространение и активное применение, до сих пор не получило однозначного понимания. Литературоведение вырабатывает свои подходы к изучению и описанию концептов. Поскольку концепт принадлежит национальному культурному сознанию, материалом для изучения концептов должны быть и становятся литературные произведения, представляющие источник знаний и ценностей отдельного писателя как представителя нации и ее культуры.

В данной статье намечается возможность исследования концепта «Пушкин» в современной литературе. Еще в XIX в. в России возник «миф о Пушкине», получивший предельное развитие в XX в. Отношение к Пушкину в среде русской эмиграции стало «лакмусовой бумажкой», мерой верности России и русской литературной традиции.

В XX в. одно из первых определений концепта принадлежит А. Вежбицкой: «Это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность» [3. – С. 441]. Таким медиатором между идеальным и действительным стал для российского сознания Пушкин. Еще при жизни Пушкина, в 1832 г., Гоголь сказал о нем: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет» [4. – С.50].

Одним из многочисленных свидетельств того, что лексема «Пушкин» приобрела в XX в. статус концепта не только для русской, но и для европейской аудитории, является открытие в Лондоне центра российской культуры «Пушкин», о которой было рассказано в передаче «Истории в деталях» от 4 июня 2008 г.

Необходимо отметить, что исследователи считают концепт и понятие различными сущностями: в отличие от понятий, концепты не только мыслятся, но и переживаются. Они предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. «Я люблю вас, но живого, а не мумию», – провозгласил Маяковский в стихотворении «Юбилейное». Более того, поэту нужен действительно живой Пушкин, а не миф о нем, сложившийся в русской культуре и по-иному закрепленный советским официозом. Концепт расширяет значение слова, оставляя возможности для домысливания, дофантазирования, создания эмоциональной ауры слова. В формировании концептов весьма велика роль субъектного начала, что для слова нехарактерно. Субъектный фактор выполняет в концепте нестандартную функцию – он является одним из импульсов изменения (движения) концепта и сообщает концепту еще одну отличительную черту: концепт – явление более динамичное, стремительно меняющееся сравнительно со словом. В стихотворении Т. Кибирова «Сереже Гандлевскому о нынешней социокультурной ситуации» явно просматривается эволюция значения концепта «Пушкин»: от «помеси обезьяны с тигром» (лицейское прозвище поэта) к очень размытому образу поэта, совместившего черты «тихого лирика» Н.Рубцова и «неоакмеиста» Д.Самойлова:

*<...> Он ужсжимается в этиграф,
забит, замызган, зафарцован,
не помесь обезьяны с тигром,
а смесь Самойлова с Рубцовым.*

Заметим, что названные Кибировым поэты – знаковые фигуры советского времени, тексты которых публиковались, но не ассоциировались с официозом. Тем не менее, по логике стихотворения, путь «Пушкина» от «обезьяны с тигром» к «Самойлову с Рубцовым» – это путь нисхождения в национальном сознании. Рассмотрим, так ли это.

Рифмовка: «забит, замызган, зафарцован» – «смесь Самойлова с Рубцовым» – уравнивает последних с масскультом, «ширпотребом» советской поэзии. По замечанию исследователей, современные оценки Рубцова содержат крайности: от «великого национального поэта» до «придуманного поэта», «псевдокрестьянского Смердякова» [5. – С. 48]. И та и другая точки зрения содержат элементы мифологизации образа Рубцова, чему способствуют онтологические мотивы его поэзии и трагическая гибель, встраивающие биографию поэта в идеальную парадигму пушкинской биографии. Состояние порыва к святости, желание духовного преображения реализуются в стихотворении «Я буду скакать по полям задремавшей отчизны», где лирический герой, подобно герою пушкинского «Пророка» ассоциирует себя с неким мистическим существом, познавшим Божий промысел.

По-другому ассоциируется с концептом «Пушкин» Давид Самойлов. Если Рубцов ориентируется на фольклорно-песенную традицию, которая связывает его с национальными и религиозными основами, то Самойлов, скорее, демифологизирует национальные представления о культуре. В стихотворении, демонстративно названном «Ехегі» (по первому слову оды Горация), поэт с иронией рисует «оптовый» памятник современным поэтам:

*Ах, какой бы стал поэт прекрасный
С лирой тихою и громогласной
Был бы он такой, какого нет.*

В начале своей поэмы «Последние каникулы» Давид Самойлов использует метрическую цитату из пушкинского «Домика в Коломне»:

*Четырехстопный ямб
Мне надоел. Другим
Я подарю трехстопный
Он много расторопней.
Ср. у Пушкина:
Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за октаву.*

Пародийность четверостишия Самойлова, как заметил исследователь, в том, что Пушкин переходит от 4-стопного ямба, размера его молодости, к мужественному 5-стопному, а Самойлов, наоборот, – к легкомысленному 3-стопному [6. – С.158]. Самойлов иронически причислял себя к «поздней пушкинской плеяде»: верность пушкинским традициям означала несовместимость с какими-либо «плеядами», поскольку «коллективность означает покушение на личность» [5. – С. 309]. Таким образом, «смесь Самойлова с Рубцовым» означает в современной социокультурной ситуации оксюморон, соединение несоединимого, диалектику развития пушкинского концепта.

Главное в концепте – это многомерность и целостность смысла, существующая в непрерывном культурно-историческом пространстве. Культурная трансляция концепта «Пушкин» из одной предметной области в другую происходит тогда, когда современные писатели начинают активно «оживлять» Пушкина, более того, создавать его альтернативную биографию, а значит и альтернативную историю России. От заклинаний Беллы Ахмадулиной – «он не убит» («Приключение в антикварном магазине») – к решительному исправлению истории. Например, Андрей Битов в рассказе «Фотография Пушкина (1799-2099)» с помощью машины времени направляет в прошлое ученого-литературоведа, который должен помешать роковой дуэли. Но, как не удалось «остановить мгновение» с помощью фотографии «бородатого Пушкина», так не удалось герою Битова изменить ничью судьбу, кроме своей.

В рассказе Татьяны Толстой «Сюжет» волшебным помощником Пушкина становится «птичка Божия». Поэт выздоравливает, доживает до преклонных лет, но оказывается жертвой хулигана – подростка в Симбирске мальчика, будущего Ленина. У Толстой встреча Пушкина с Лениным, на первый взгляд, становится судьбоносной для России. Перед тем как умереть, Пушкин своей клюкой вышибает революционные идеи из головы Володи Ульянова. После покушения Александра на царя Володя заявляет: ««Мы пойдем другим путем, маменька!» <...> И точно: еще больше приналег на ученье, баловства со всякими там идеями не допускал ни на минуточку, да и других одергивал, а если замечал в товарищах наималейшие шатания и нетвердость в верности царю и Отечеству, то сам, надев фуражечку на редущие волосы, отправлялся и докладывал куда следует» [7. – С.2]. Впоследствии Ульянов становится министром внутренних дел, пишет статьи типа «Как нам реорганизовать Сенат и Синод». После его смерти в 1937 г. новым министром внутренних дел назначают «госпоина Джугашвили».

Встреча с Пушкиным привела лишь к атрофии «левого» полушария ленинского мозга: «Мозг с одной стороны оказался хорошего, мышиноного цвета, а с другой – где арап ударил – вообще ничего не было. Чисто» [7. – С.269]. Ничего в Ленине Пушкин не переменял. Таким образом, принципиально в истории России ничего не изменилось.

Концепт «Пушкин», как видим, является средством преодоления дискретного характера представлений о действительности и онтологизированным комплексом этих представлений. Именно он и является средством, делающим возможным «сгущение» поля российской культуры.

Изучение культурных концептов – это движение от психических, социально-культурных образований в сторону их фиксации в языке. Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые использованы для этого, выступают как средства вербализации, языковой репрезентации, языковой объективации концепта. Так, например, когда Белла Ахмадулина пишет: «Во всем ловлю таинственные знаки./ То след примечу, то слышу речь./ А вот и лошадь запрягают в санки./ Коль ты велел – как можно не запречь?» Здесь «ты», конечно, Пушкин: «А знаешь, не велеть ли в санки кобылку бурую запречь?» («Зимнее утро»). Как видим, концепт реализуется в языке готовыми лексемами и фразосочетаниями, текстами и совокупностями текстов. Другой пример, Александр Кушнер, в поэзии которого слышен трагический ответ на пушкинское стихотворение «Отцы-пустынники и жены непорочны». Ср. Пушкин: «Любоначала, змеи сокрытой сей/ И празднословия не дай душе моей». Кушнер: «А воз и ныне там, где был он найден нами./ Что делать? Вылеплен так грубо человек./ Он не меняется с веками.../ Известно каждому, что входит в ту

поклажу: /Любоначалье, жестокость, зависть, лесь». Тем не менее, в книге А.Кушнера «Таврический сад» трезвое знание о безнадежности мироустройства не вызывает у читателя чувства отчаянья, поскольку поэту свойственна пушкинская поэтическая логика, восторг перед чудом жизни.

Концепт «Пушкин» существует в определенной «идеосфере», обусловленной кругом ассоциаций каждого отдельного человека, и возникает как отклик на предшествующий языковой опыт многих людей – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический. Возвращаясь к эпиграфу нашей статьи, можно заметить, что Тимур Кибиров точно фиксирует изменения в значении концепта «Пушкин» в зависимости от «идеосферы»: «пудовая духовность», которой был нагружен этот концепт, начиная со знаменитой речи Достоевского и заканчивая мифологизацией в советское время, резко противопоставлена образу «вертлявого Пушкина»:

*Там под духовностью пудовой
затих навеки вертлявый Пушкин,
поник он головой садовой –
ни моря, ни степей, ни кружки.*

Первым, кто осмелился противостоять традиции обожествления Пушкина, придания его поэзии не-свойственного ей бремени в литературе XX в. был Блок. В статье «О назначении поэта» (1921) он писал: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин <...> Сумрачные времена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийств, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними – это легкое имя: Пушкин. Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта – не легкая и не веселая; она трагическая...» (8. – С. 347). От веселого и легкого имени: Пушкин уже совсем недалеко до «вертлявого» Пушкина – аллюзия Т. Кибирова к книге «Прогулки с Пушкиным» Абрама Терца (А.Синявского). Терцевский Пушкин – одновременно идеал и антиидеал. Антиидеал – «вертлявый Петрушка», «наш Чарли Чаплин», Хлестаков, «на тоненьких эротических ножках» вбежавший в большую поэзию. Но сквозь до предела остранный, почти гротескный образ начинают проступать черты неизжитой до конца мифологемы «чистоты» и «красоты»: «Склонный в обществе к недозволенным жестам, он ухитряется сохранять ненаигранное целомудрие в самых рискованных порой эпизодах...» [9. – С.19]. К числу таких эпизодов можно отнести фрагмент поэмы «Руслан и Людмила», в котором взаимная страсть героев натуралистически изображается Пушкиным с помощью развернутого сравнения с курицей и петухом. Терц характеризует эти пушкинские строки как «чистые и возвышенные». По его мнению, поэт умеет переключать одну энергию на другую, давая выход необузданной чувственности во все сферы жизнедеятельности.

Анализ наблюдений над произведениями современной литературы позволяет сделать вывод о том, что концепт «Пушкин» обладает в национальной культуре и сознании следующими базовыми характеристиками.

Бесконечность концепта «Пушкин» определена его бытием как явлением национальной культуры: он постоянно существует, совершая движение от центра к периферии и от периферии к центру, его содержательное наполнение безгранично.

Концепт «Пушкин» недискурсивен в смысле дискурса. Дискурс, термин, обозначающий тип западноевропейской интеллектуальной стратегии рационально-классического ряда, отличается от понятия «дискурс», термина, обозначающего определенный лингвистический феномен. Отсюда, дискурсивный (рассудочный, понятийный, логический, опосредованный, формализованный) «Пушкин» советского времени противопоставлен чувственному, созерцательному, интуитивному, непосредственному «Пушкину», которого мы наблюдали в современной русской литературе.

Очень трудно отследить историю концепта «Пушкин», закреплённого в сознании разных культурных слоев современного общества. Восстанавливаемая историческим исследованием схема изменений значений слов не всегда совпадает с представлениями говорящих или говоривших о функциях и смыслах этого слова, и, тем более о концептах, представленных словами. Поэтому субъективные свидетельства писателей – современников о формировании и изменении значения лексемы «Пушкин» в культуре и сознании XX в., имеют огромную важность для исследования концептов.

Литература

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / С.И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1981.
2. Неретина С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеляра / С. Неретина. – М., 1999.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая / пер. с англ. А. Вежбицкая. – М., 1997.
4. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. / Н.В. Гоголь. – Л., 1940, 1952. Т. 8.
5. Лейдерман Н.Д. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: в 2 т. / Н.Д. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. М., 2003. Т. 2.
6. Руднев В.П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты / В.П. Руднев – М., 2003.
7. Толстая Т. Любишь – не любишь / Т. Толстая. – М., 1997.
8. Блок А. О назначении поэта // А. Блок. Сочинения в 2 т. Т. 2., М., 1955.
9. Абрам Терц (Андрей Синявский). Прогулки с Пушкиным / Абрам Терц. – СПб., 1993.

Literature

1. Ozhegov S.I. Russian language dictionary: 57 000 items / Editor N.Yu. Shvedova. – Moscow, 1981.
2. Neretina S. Word and text in Medieval Culture. Conceptualism of Abelyar. – Moscow, 1999.
3. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Knowledge / English translation by A. Vezhbitskaya. – Moscow. – 1997.
4. Gogol N.V. Complete set of works: 14 volumes. – Leningrad, 1942, 1952. – V. 8.
5. Leiderman N.D., Lipovetskii M.N. Modern Russian Literature: 1950s – 1990s: 2 volumes. – Moscow, 2003. – V. 2.
6. Rudnev V.P. XX century Culture Dictionary: Key notions and texts. – Moscow, 2003.
7. Tolstaya T. To Love – Not To Love. – Moscow, 1997.
8. Block A. On Destination of a Poet // Block A. Works: 2 volumes. – Moscow, 1955. – V. 2.
9. Terts A. (Andrei Sinyavskii) Walks with Pushkin. – Saint- Petersburg, 1993.

Шеметова Татьяна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Бурятского государственного университета.

e-mail: shemetovat@mail.ru